

МЕЖА

Скажи мне, где межа меж радостью и болью?!
Где темноте свеча проигрывает спор.
Где пальцы палача затравленно, с любовью,
от ужаса дрожа, ложатся на топор.

Где стылая постель осеннего погоста –
утраченная пядь земли, золы, родства;
где нечего терять, где все мы только гости,
отведавшие хмель земного волшебства.

Нам есть кого беречь, пред кем зажечь лампаду,
и без кого – судьба! – померкнет всё окрест.
Есть Тот, к кому мольба, и тот, кому награда,
кому – прямая речь, кому – по мерке крест...

Повторенный стократ удел, что нам ниспослан...
Истоки доминант затеряны в веках...
Там все, кто до меня, и те, кто будут после –
репродуктивный ряд молекул ДНК.

Там, в поисках черты меж будущим и прошлым,
порой идут на вы и падают на снег.
Там жизнь моя, увы – зашоренная лошадь,
кругами суеты нехитрый правит бег.

Туманное давно там явственно и зримо,
глухой язык молвы, немой размытый фильм...
Там шествуют волхвы, и там паденье Рима
предопределено падением Афин.

Там серые дожди дотошны и упорны
в стремлении дойти до сути, до конца,
там все мои пути до тошноты повторны,
и неисповедим любой маршрут Творца.

И пусть неуловим пронзающий пространство
след световых погонь – холодный Млечный путь,
но разожгут огонь, шепнут чуть слышно: «здравствуй»,
и к родникам любви захочется прильнуть.

Ты двери отвори – в лачугу или в терем,
и тёплый дух жилья тебя заморозит.
Вот здесь – межа моя. Находки и потери.
Мои календари. Моя – до боли – жизнь.

КИЕВСКАЯ НОЧЬ

Витрин погашен пёстрый ребус.
Сутулясь, меркнут фонари.
Усталый тащится троллейбус,
уже последний – до зари.
В безмолвном ожидании утра
к глазницам окон мрак приник...
А я иду по переулку,
подняв от ветра воротник.

Мне ночь – товарищ, закадычный
мой друг, мой брат, моя печаль.
Озноб предутренный – привычка,
а мокрый тротуар – причал.
А мне навстречу – шелест долгий,
слова досушливых дождей,
и эхо в каменных ладонях
насквозь продрогших площадей.

Рассеянно и невесомо,
впопад шагам, за мной вослед –
то скрип дверей, то лязг засовов,
то шёпот-крик, то шорох-бред...
Скороговоркой длинной, гулкой –
не разберёшь наверняка –
сырой сквозняк из переулка
доносит шум товарняка.

На скорости почти предельной,
мча вне разметки, по оси,
прошелестит, как привидение,
в рассвет спешащее такси,
и два краснеющих окурка
умчатся вдаль, исчезнут прочь...
И снова молнию на куртке
рванёт застигнутая ночь...

И снова – чернота до горла
да редких ламп густая тень...
Лишь беспокойно спящий город
ворочается в темноте,
лишь светофорная нелепость
желтеет в зеркалах витрин...
Последний тащится троллейбус.
Сутулясь, гаснут фонари...

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы спорили, тому немало лет,
о подлинной поэзии, о фальши.
Он говорил, что не читает дальше
двух первых строф, когда полёта нет...

Редуют на земле моей числом
товарищи, друзья и одногодки,
соратники, соперники по гонке –
мы вверх рвались, мы лезли напролом.
Из нитей дружб, любовей и причуд
плели судьб затейливые сети –
в них перемен запутывался ветер,
и времена их колыхали чуть...
Но – до поры. Железный этот век
ломает всё, что звонко и упруго.
Неумолимо вычеркнут из круга
ровесников знакомый человек.
Один. Другой. Мне пальцев на руке
уже не хватит подсчитать потери.
Мы с ним давно увидеться хотели.
Но он ушёл... куда-то... налегке...

Поставляю поминальную свечу.
Наполню рюмку и расправляю плечи.
«Ах, время, время, ты меня не лечишь,
сам за тобою к краешку лечу».
Сглотну комок. Остыну, помолчу.
Никто не знает, сколько нам осталось.
И это – мудрость. И пока не старость.
И можно жить. И нужно. И хочу!

Хочу забыть давнишние грехи,
покой сердечный новыми нарушу.
И можно не дочитывать стихи
за восемь строк не тронувшие душу.
